

Мать Чэнь, узнав правду, так и не смогла сомкнуть глаз.

На следующее утро она поднялась ни свет ни заря. Вспомнив, что у экономки сегодня выходной, женщина спустилась на кухню, чтобы приготовить завтрак. Но ещё не дойдя до двери, услышала шипение раскалённого масла и дробный стук лопатки о сковороду — кто-то готовил, хоть и не слишком умело.

Мать Чэнь с чашкой чая в руках заглянула внутри.

— Кто же это у нас так рано встал? — Она подняла взгляд и, увидев знакомую спину, замерла в изумлении. — ...Гу Ли?

Мужчина стоял к ней спиной. Он был без пиджака, и чёрный джемпер лишь подчёркивал его обычную суровую сдержанность. В руке он сжимал лопатку, сосредоточенно наблюдая за тем, как на сковороде растекается тонкий слой яичного белка. Гу Ли пару раз перевернул омлет и попытался аккуратно выложить его на тарелку.

— Ох! — Мать Чэнь не выдержала и поспешила на помощь. — Так дело не пойдёт.

Она мягко отодвинула брата плечом, перехватывая инициативу. Собеседник не ушёл — он остался стоять рядом, внимательно наблюдая за каждым её движением. Сестра вручила ему фартук, и тот молча повязал его вокруг талии. Превосходная фигура делала своё дело: даже самый обычный тёмный фартук на нём смотрелся как вещь из коллекции высокой моды.

— С чего это ты вдруг решил заняться готовкой? — поинтересовалась Мать Чэнь.

— Постоянно есть в ресторанах вредно для здоровья, — ровным голосом ответил Гу Ли.

Раньше его это мало заботило, но теперь, когда речь шла о «маленьком племяннике», всё обретало иной смысл. Он принял готовую порцию и принялся аккуратно выкладывать её на блюдо.

Праздники ещё не закончились. Мужчины в доме вчера допоздна засиделись на приёмах, выпили лишнего, и теперь никто не торопился к завтраку. Мать Чэнь попыталась докричаться хоть до кого-нибудь, но, потерпев неудачу, отправилась наверх — будить Ду Юньтина.

Второй молодой господин Ду уже проснулся и сейчас вовсю развлекался со своим птенцом. С самым серьёзным видом он тыкал пальцем в птичий клюв и наставлял:

— Ну же, скажи: «Папа».

Мать Чэнь невольно улыбнулась, глядя на это ребячество. Но в следующее мгновение Ду Юньтин хихикнул и, открыв в телефоне фотографию господина Гу, торжественно продемонстрировал её «сыночку»:

— А это — «Большой папа»!

Мать Чэнь: «...»

Она не решилась заходить. Коротко постучав и крикнув, что завтрак готов, она поспешно ретировалась.

Возможно, из-за того, что именно Ду Юньтин его высидел, птенец привязался к нему невероятно. Стоило крылышкам хоть немного окрепнуть, как малыш, едва завидев «родителя», тут же летел к нему и усаживался на плечо. Других он игнорировал: как бы ни звали его отец Чэнь или старый господин Чэнь, птица даже головы не поворачивала, напоминая круглый, неподвижный пушистый шар на плече юноши.

Стоило Ду Юньтину что-то сказать, как птенец тут же отзывался звонким «Чирик!», стараясь подражать интонациям отца.

— Чирик!

Юньтин погладил его по голове и насыпал в ладонь порцию измельчённого корма. Птенец, задрвав неоперившийся хвостик, принялся азартно стучать клювом по его руке.

Гу Ли поначалу не воспринимал птицу всерьёз, считая её просто временным увлечением доброго племянника. Однако однажды вечером, когда они обсуждали с Трусом Ду «сто восемь способов приготовления батата», снаружи раздалось настойчивое и непрерывное «чирик-чирик-чирик». Юньтин тут же надулся и, бесцеремонно упёршись босой пяткой в лицо господина Гу, заявил:

— Твой сын проголодался. Иди на улицу и накопай ему червяков.

Гу Ли: «...»

Его сын?

Птенец продолжал громко протестовать, словно подозревая, что в комнате без него едят что-то вкусное. У мужчины пульсировала жилка на виске. Находясь на пике желания, под этот несмолкающий аккомпанемент он чувствовал себя крайне двусмысленно: и продолжать невозможно, и остановиться — выше сил.

Ду Юньтин участливо похлопал его по плечу.

— Сначала накорми сына червяками, — предложил юноша самым деловым тоном. — А потом вернёшься, и мы продолжим.

Он посмотрел на Гу Ли с предельной искренностью. Тот, с трудом сохраняя беспристрастное выражение лица, приник к его шее.

— Чирик!

Крик снаружи стал ещё пронзительнее — птица буквально надрывалась. Терпение мужчины лопнуло. Откинув одеяло, он поднялся. Юньтин, поглубже зарывшись в подушки, мысленно спросил у системы:

«Сяо Лю, неужели господин Гу и правда пошёл копать червяков?»

[Конечно нет. Он не сошёл с ума. Просто завязал птице клюв ленточкой]

«Как он мог?! — возмутился Маленький белый цветок Ду. — Я столько мучился, пока его вынашивал! Как он может так обращаться с собственным сыном?!»

[Твой драматизм не знает границ]

Когда Гу Ли вернулся, Ду Юньтин приготовился прочитать ему лекцию о методах воспитания, но тот лишь иронично усмехнулся:

— Вынашивал?

Трус Ду горестно вздохнул, поглаживая живот:

— Этот ребёнок дался мне очень нелегко...

Договорить он не успел. Господин Гу снова развязал пояс халата, и у Юньтина тревожно забилось сердце.

— Ты... ты что делаешь?

Ладонь мужчины легла на его живот.

— Разве Ян-ян не хотел детей?

Юньтин замер, во все глаза глядя на него.

— Сейчас государство активно призывает рожать второго ребёнка, — невозмутимо добавил Гу Ли.

Сяо Лю от этой сухой шутки разразилась громовым хохотом, но Ду Юньтину было не до смеха. Одно дело — игры с «зонтиками», но если без них... он же просто не выживет.

«Могу ли я проигнорировать эту демографическую политику?»

— Один ребёнок — это уже прекрасно! — попытался он «промыть мозги» мужчине. — Меньше детей — выше качество жизни! Один ребёнок — залог семейного счастья!

Гу Ли лишь едва заметно усмехнулся и, не слушая его доводов, протянул юноше «напиток».

Ду Юньтин обычно обожал кокосовое молоко, но на этот раз оно было каким-то особенным. То ли оно слишком долго стояло, то ли сорт был такой, но консистенция оказалась слишком густой. Хозяин лавки проявил щедрость, выдав самую широкую трубочку — Юньтину пришлось широко раскрыть рот, чтобы обхватить её, но как он ни старался, «молоко» никак не желало подниматься.

Он погладил округлый плод, осторожно постучал по скорлупе, подозревая, что тот испортился.

— Приложи немного усилий, — низким голосом наставлял его мужчина. Ду Юньтин послушно сжал зубы и предпринял еще несколько попыток. Когда «молоко» наконец брызнуло наружу, он оказался совершенно не готов и не успел увернуться.

Собеседник, придерживая его за подбородок, бережно слизал капли у его губ, а затем снова поцеловал.

У Ду Юньтина не было при себе никаких «больших бутылок колы», его запасы можно было сравнить разве что с маленькой порцией «Вахаха» — крошечная, белая и изящная бутылочка, которая легко помещалась в ладони. Пить из неё было удобно. Гу Ли после того, как бросил курить, стал особенно ценить сладкие вкусы, но когда после этого он попытался поцеловать Юньтина, тот лишь поморщился:

— Горчит.

— Это моё, — ответил Гу Ли. — А ты, безусловно, сладкий на вкус.

— Дай-ка я проверю, — Юньтин причмокнул губами и снова нахмурился. — Дядя обманщик, это явно моё...

Гу Ли тихо рассмеялся и, притянув его к себе, тщательно вытер влажной салфеткой. Затем он принялся мерно похлопывать юношу по спине, словно баюкая младенца. Ду Юньтин, вконец измотанный, прижался к нему и вскоре уснул. Его дыхание стало ровным и глубоким.

Лицо юноши было чистым и светлым, лишь на скулах ещё играл слабый румянец, а уголки глаз сохраняли алый оттенок. Он обхватил руку господина Гу, как сонный коала, и во сне довольно улыбался, явно видя какой-то чудесный сон.

Когда он перевернулся на другой бок, Гу Ли услышал невнятный шёпот:

— Господин Гу...

Рука мужчины, похлопывавшая его по спине, на мгновение замерла. Это обращение он уже слышал раньше. Сначала он думал, что так зовут парня племянника, но позже выяснилось, что это не так. В окружении Чэнь Юаньцина, кроме него самого, не было других людей по фамилии Гу.

«Такое странное именование...»

Он нахмурился в темноте, пытаясь ухватить ускользающую мысль, но та растаяла, не оставив следа. Тепло юноши, прижавшегося к нему, помогло вернуться в реальность. Гу Ли заботливо подоткнул одеяло, чтобы тот не простудился.

Где-то вдалеке расцветали фейерверки, но здесь их звук почти не был слышен. Мужчина закрыл глаза и поймал себя на мысли, что уже давно забыл о бессоннице. Те голоса, что раньше терзали его по ночам, теперь казались далёким эхом, заглушенным тихим, мерным дыханием человека рядом.

Теперь в этом пространстве были только они двое. И это дарило ему необъяснимое чувство покоя. Притянув Ду Юньтина ещё ближе, Гу Ли тоже погрузился в сон.

Эта ночь прошла без сновидений.

***

Когда праздники закончились, Ду Юньтину пора было возвращаться к учёбе.

Гу Ли обсудил это с ним: он хотел, чтобы юноша вернулся в университет. В этом желании сквозила подсознательная жажда защиты — даже зная, что «маленький племянник» за словом в карман не лезет, он хотел видеть его в более спокойной и безопасной среде.

Через пару дней пришло уведомление: можно собирать рюкзак и отправляться на занятия.

Юньтин удивился:

— Так быстро?

— Я пожертвовал университету новый корпус, — невозмутимо ответил Гу Ли.

«Всё ясно. Власть капитала в действии».

Прежний владелец тела закончил обучение всего пару лет назад, так что по возрасту Юньтин почти не отличался от студентов. А уж с его лицом в белом худи и джинсах он и вовсе казался младше многих первокурсников. Гу Ли выучил его расписание и каждое утро привозил на занятия, а вечером ждал у ворот, наблюдая, как юноша бежит к машине, и солнце играет в его волосах.

Дяде очень нравился этот облик.

Стоило ему поднять взгляд, как в салон врвался запах свежести вместе с солнечным светом. Не успев даже снять рюкзак, Юньтин первым делом продемонстрировал ему свой планшет для рисования.

На листе был запечатлён профиль мужчины — линии были уверенными, цвета подобраны идеально, а над бровью едва заметно темнела крошечная родинка. Гу Ли сразу узнал себя.

— Ну как? — Ду Юньтин осторожно подправил пальцем штрих. — Я очень долго над этим работал...

Он с надеждой заглянул мужчине в глаза. Гу Ли лишь коротко хмыкнул, не выказав особой реакции. Юньтин приуныл и, не дождавшись похвалы, решил сменить тему.

Однако когда они приехали домой, Гу Ли бережно взял рисунок. И когда Трус Ду, переодевшись в домашнее, спустился в гостиную, он увидел на стене новый гвоздь — мужчина как раз вешал картину, тщательно выверяя её положение.

Ду Юньтин: «...»

«Ого».

Похоже, господин Гу тот ещё скрытный романтик.

Гу Ли по натуре был человеком суровым и немногословным; он не умел красиво хвалить, предпочитая доказывать всё делом. А вот Ду Юньтин, объект его «дел», к спокойной жизни не

привык. Сколько бы он ни строил из себя Маленький белый цветок Ду, натура нет-нет да и прорывалась наружу.

Как говорила Сяо Лю — горбатого могила исправит.

Лишь Гу Ли умел крепко держать его за хвост. Стоило Ду Юньтину окончательно потерять берега, как одно лишь низкое, предостерегающее «Ян-ян» мгновенно превращало его в само послушание.

Сяо Лю не переставала этому удивляться.

«А как мне не слушаться? — философски заметил Юньтин. — Я не горю желанием снова отправляться на бататовые поля...»

[... На какие поля?]

«Бататовые! — удивился Юньтин. — Да что с тобой? Вчера, когда я попросил оставить дверь открытой, ты вообще на меня как на привидение посмотрела».

[...]

Сяо Лю хотелось вопить. Да это ты во всём виноват! Кто просил тебя использовать слово «дверь» в таком контексте?!

Впрочем, система фильтрации тоже была хороша: фраза «не горю желанием снова отправляться на [бип]» звучала ещё более подозрительно. Она заставляла воображение рисовать такие картины, от которых данные начинали перегреваться...

Между тем, Ду Юньтин в совершенстве овладел одним блюдом — бататом в карамели. Он знал всё: как выкапывать плоды, как обжаривать их в сахаре, как тянуть эти липкие, сладкие нити... Те бататы, что посадил Гу Ли, уже созрели — они были крупными, крепкими, и их вполне хватало на ежедневную порцию.

Теперь при одном взгляде на это блюдо у Юньтина во рту появлялся горьковатый привкус.

В академии искусств он числился прилежным студентом — в основном благодаря таланту прежнего владельца тела. У Чэнь Юаньцина был дар: он тонко чувствовал цвет, и его палитры неизменно вызывали восторг у профессоров. В искусстве техника важна, но искра божья ценится выше. Без вдохновения ты лишь ремесленник, штампующий посредственность.

А талант Чэнь Юаньцина с лихвой окупал огрехи в технике. Ей можно научить, а чувству прекрасного — нет.

Преподаватели открыто благоволили ему. Юньтин подозревал, что новый корпус университета сыграл в этом не последнюю роль, но его это мало заботило. Однако среди студентов поползли шепотки.

Стоило Ду Юньтину зайти в уборную, как он услышал разговор:

— Да что в нём такого, в этом Чэнь Юаньцине? Он же без году неделя как рисует! С какой стати ему дали место в списке на выставку?

— Таланта я не заметил, а вот дорогую машину у ворот вижу каждый божий день.

Раздался смешок, и другой парень спросил:

— А кто за рулём? Женщина? Или, может, какой-нибудь папик?

— Я как-то видел — мужик в возрасте.

— И что, на крыше даже банку с напитком не ставит?

— Ну, может, у них там всё по высшему разряду, элитные договорённости...

«Напиток на крыше» — старая шутка. Марка и количество бутылок означали цену: баночка «Фанты» — триста юаней за ночь, «Ред Булл» — пятьсот. Эти парни, которым едва перевалило за двадцать, отлично знали этот сленг. Они переглядывались и хохотали, пока дверь кабинки внезапно не распахнулась.

Тот, чьи кости они только что перемывали, не спеша подошёл к ним, иронично выгнув бровь:

— О чём болтаем? Расскажите и мне, вместе посмеёмся.

Парни на мгновение опешили, пришибленные его уверенностью, но тут же разозлились на собственную слабость. Самый задиристый огрызнулся:

— А тебе-то что? С чего вдруг на свой счёт принимаешь? Совесть нечиста?

Ду Юньтин не собирался спускать это на тормозах. Он холодно усмехнулся:

— Списки на конкурс утверждал декан. Если есть претензии — идите к нему. А шушукаться по углам — это всё, на что вы способны? Что, кошек боитесь?

Парни не сразу поняли намёк, а когда до них дошло, что их сравнили с крысами, прячущимися в туалете, вскипели. одному из них покраснел до корней волос и засучил рукава:

— Ах ты...

[Нельзя драться! — всполошилась Сяо Лю. — Мы живём в гармоничном обществе, насилие запрещено...]

«Бить не буду», — успокоил её второй молодой господин Ду.

Он даже не пошевелился. Просто одним резким движением выдернул шланг из крана для мытья пола.

[...Что ты задумал?]

Прежде чем система успела получить ответ, Юньтин крутанул вентиль. Ледяная вода под напором ударила из шланга. От неожиданности и холода парни вскрикнули и задрожали, в мгновение ока промокнув до нитки. Ду Юньтин перекрыл им выход, а напор был таким сильным, что они даже глаз открыть не могли, не говоря уже о том, чтобы попытаться отобрать шланг.

Спустя несколько минут Юньтин закрыл воду.

— Это чтобы вы глаза промыли. А то, похоже, зрение совсем подводит, раз господина Гу в старики записали.

[...]

«Так вот из-за чего ты на самом деле разозлился?»

Парни выглядели жалко. Оправившись от шока, они решили немедленно идти к декану с жалобой. Но Ду Юньтин оказался быстрее: он первым влетел в кабинет.

— Профессор! Эти студенты пытаются разрушить дружескую атмосферу в коллективе! Это настоящий буллинг и насилие!

Следом ввалились промокшие «жертвы», не веря своим ушам. Такой наглости они ещё не встречали! Они же к нему даже пальцем не притронулись, это он устроил тут водное шоу!

Насилие в университете — дело серьёзное. Декан засуетился, к тому же Ду Юньтин был племянником важного спонсора. Он усадил всех за стол.

Юноша садиться отказался, ожидая решения. Он уже всё продумал: если дело не выгорит — вызовет «родителей». Его «родитель» крайне надёжный человек, приедет по первому зову.

Облитые водой студенты тоже не собирались сдаваться. Они всё отрицали и обвиняли Юньтина:

— Он с ума сошёл! Просто набросился на нас со шлангом! Он ненормальный!

Декан хорошо знал своих подопечных. Взглянув на этих парней, он сразу понял, что они из тех, кто любит завидовать чужим успехам, и Ду Юньтин стал для них идеальной мишенью. К тому же, по правде говоря, этот студент получил место в конкурсе за свои заслуги: один из судей был в восторге от его работы с цветом и лично настоял на его кандидатуре. В открытом споре этим парням ловить было нечего.

Декан оказался между двух огней. Ему не хотелось раздувать скандал, и он принялся примирять стороны:

— Друзья, нет нужды звать родителей. Вышло досадное недоразумение...

Он долго разливался соловьем, пытаясь убедить Ду Юньтина спустить дело на тормозах. Главным его страхом было появление Гу Ли в стенах университета — тогда отвертеться не получится.

Юноша, прекрасно всё понимая, решил не тратить время на этих остолопов. Если господин Гу — старик, то молодых мужчин в этом мире вообще не существует.

«Господину Гу всегда восемнадцать, ясно вам?!» — кипел он от негодования.

Сяо Лю сочла, что её хост ведёт себя как типичный фанат-неадекват. А фанатизм, как известно, пагубно влияет на интеллект.

***

Вечером машина Гу Ли, как обычно, ждала у ворот. Дорогой автомобиль притягивал взгляды студентов — многие втайне подсчитывали, сколько жизней им придётся прожить, чтобы заработать на такой. Результаты обычно приводили к депрессии.

Ду Юньтин сел на переднее сиденье. Мужчина внимательно наблюдал за ним. Пока юноша пристёгивался, тот не торопился заводить мотор.

Юньтин удивлённо обернулся:

— Дядя?

— Что случилось? — спросил Гу Ли.

Юньтин опешил.

— У Ян-яна плохое настроение, — спокойно добавил мужчина.

Его пронизательность всегда заставляла Ду Юньтина врасплох. Это замешательство стало лучшим ответом. Гу Ли нахмурился:

— Ян-ян.

Пришлось выложить всё как есть. По мере того как юноша рассказывал, брови мужчины сдвигались всё сильнее. Племянник попытался сгладить углы:

— Но им тоже досталось, я не остался в долгу.

Это мало утешило Гу Ли. Его лицо потемнело от гнева, и он привычно потянулся за сигаретой. Нашупав в кармане конфету, он вспомнил, что давно бросил.

Внезапно его губ коснулось что-то влажное — Юньтин придвинулся ближе и быстро поцеловал его.

— Дядя забыл взять конфету? — прошептал он нежным, тягучим голосом. — Я могу заменить сладость...

Он протянул руку и мягко разгладил морщинку между бровями мужчины.

— Не хмурься, пожалуйста.

Гу Ли не мог не хмуриться. Он смотрел на юношу — тот был словно молодая ивовая ветвь ранней весной, сама жизнь и энергия. Рядом с ним Гу Ли особенно остро ощущал этот контраст.

Если они и дальше будут вместе, таких разговоров будет много. Как бы усердно Юньтин ни трудился, люди всегда будут сомневаться в нём, будут презирать его. Сплетни не исчезнут, и если их отношения станут достоянием общественности, это клеймо останется с ним навсегда.

Но больше всего мужчину пугало осознание того, что он не сможет его отпустить. Даже мысль об этом отзывалась в сердце острой болью.

Он поймал ладонь Ду Юньтина, потирая кончики его пальцев.

— Ян-ян, твой дядя — очень эгоистичный человек.

— Какое совпадение, — рассмеялся Юньтин. — Я тоже.

Он крепко сжал руку мужчины в ответ, и в его сияющих глазах отразилась безграничная преданность.

— Мне плевать на их слова, — твёрдо произнёс он. — Мне достаточно знать только то, что скажешь мне ты.

***

Ду Юньтин: «Он — Кола, а я — "Шуанвайвай"... Чёрт возьми, это точно не дискриминация?»

<http://bllate.org/book/15364/1373413>